

**РУБЕН
АШОТОВИЧ
ШЕК-ИОВСЕПЯНЦ**

Работает на предприятии с 1954 г.
С 1973 г. по 1997 г. – начальник
отделения – главный конструктор
тематического направления.
Доктор технических наук.
Лауреат Государственной премии.

В силу своего служебного положения в ОКБ «Электроавтоматика», будучи в 1960-х годах заместителем главного конструктора, а позже – главным конструктором тематического направления и начальником крупного тематического отделения, большую часть многолетнего периода руководства Павла Алексеевича ОКБ-857 я работал в его непосредственном подчинении, напрямую и почти ежедневно помногу общался с ним при самых различных обстоятельствах: в ОКБ в его или моем кабинетах, в лабораториях и цехах опытного производства, в министерстве, на серийных заводах, в купе поезда и в номерах гостиниц, за границей...

Следует сразу отметить, что у Павла Алексеевича отношение ко всем его знакомым были априори положительным, он всем предлагал дружбу и сотрудничество и был со всеми честен. Мне всегда казалось, что ко мне он был особенно расположен, и полагаю, что этому были конкретные причины. Одна из возможных причин – большая разница в возрасте. Мы близко познакомились и начали работать вместе в 1963 г., мне тогда было 33 года, ему – 55 лет. Павел Алексеевич был очень семейным человеком, и поэтому нередко его отношение ко мне было близким к отеческому.

Другая и, видимо, главная причина заключалась в том, что он видел во мне своего последовательного и деятельного союзника, чему имели место подтверждения. Об одном мне хочется рассказать.

Важным фактом истории ОКБ «Электроавтоматика» было то, что предприятие, созданное в 1946 г. для разработки авиационных тренажеров (тогдашнее ОКБ-470), росло, развивалось и умножало свою тематику кроме естественного процесса за счет ряда удачных объединений с родственными предприятиями отрасли. Наиболее судьбоносным было объединение в 1963 г. с Ленинградским ОКБ-857, главной задачей которого была определена разработка авиационной вычислительной техники, первоначально в 1952–1960 гг. аналоговой и далее – цифровой.

К 1963 г. в ОКБ-857 уже было частично выполнено несколько проектов бортовых ЦВМ и, следовательно, уже имелся некоторый опыт создания этой новой еще в то время и сложной техники. Со своей стороны, в ОКБ-470 был накоплен некоторый опыт комплексирования бортового оборудования, из которого четко вырисовывалась жесткая необходимость в мощных вычислительных средствах. Кроме того, в ОКБ-470 велось интенсивное строительство производственных помещений, а у ОКБ-857 таких перспектив не было. Поэтому объединение двух ОКБ было более чем целесообразно. В объединенном ОКБ руководителем по ряду причин был назначен Павел Алексеевич Ефимов.

Однако государственная целесообразность это одно, а мнение коллективов, отдельных людей, разнообразные личные интересы это другое, и не всегда они совпадают. Поэтому процесс объединения предприятий проходил не всегда гладко, существовали его противники и сторонники. Для меня преимущества были очевидны, и я приветствовал объединение и способствовал его планомерному осуществлению. Фактическое единство позиций по этому вопросу нас сблизило.

Павел Алексеевич отлично понимал, что руководитель ОКБ-857 В. И. Ланердин при создании единого ОКБ лишается престижной должности, и, стараясь по возможности смягчить для него этот болезненный процесс, прежде всего назначил В. И. своим первым заместителем, несмотря на то, что уже имел постоянного первого заместителя — А. Л. Этингофа, которому пришлось потесниться. После назначения Павел Алексеевич старался не вмешиваться в деятельность В. И., нигде и никогда не подчеркивал свое руководящее положение, вел себя предельно тактично.

Характер Павла Алексеевича формировался в основном в предвоенные, военные и послевоенные очень непростые годы. Занимая руководящее положение и находясь постоянно на виду, он подвергался жесткому и регулярному контролю со стороны местной и районной партийных организаций, а также со стороны министерства — Главного управления по подчиненности и аппарата министра. Эти обстоятельства неизбежно вырабатывали высокую дисциплинированность, ответственность за выполнение порученных заданий и за подчиненный коллектив, а также требовательность к себе и к окружающим. Эти условия превратили по существу добродушного и незлобного человека, каким был на самом деле Павел Алексеевич, в сурового, нередко жесткого и требовательного начальника, который мог, расстроившись и разволновавшись, повысить голос, использовать ненормативную лексику... однако уже через несколько часов, успокоившись, он мог разговаривать спокойно и даже ласково, испытывая некоторое смущение за свое прошлое поведение.

Обо всем этом я пишу на основании личного опыта, так как и сам неоднократно, особенно в начале совместной работы, подвергался такой «обработке», ибо для Павла Алексеевича непреложным законом было выполнение плановых заданий, а поручений министерства — безусловным и полным. Такие «процедуры» могли быть неприятными, даже обидными, но при трезвом размышлении выяснялось, что Ефимов всегда был прав.

Невозможно не отметить еще одну очень интересную черту Павла Алексеевича — когда он считал необходимым для дела, то мог необыкновенно схитрить. Приведу только два примера.

Далеко не всегда разработка новой техники, а другой в ОКБ никогда и не было, шла ровно и гладко, и поэтому приходилось обращаться к Генеральному заказчику за различного рода отклонениями либо по срокам, либо по техническим параметрам и подписывать у них соответствующие решения. Так вот, однажды Павел Алексеевич был вынужден решать подобный вопрос в заказывающем управлении ВВС МО и для этого приехать в г. Москву. С начальником управления генералом Н. И. Григорьевым был согласован день и час встречи, и, естественно, Павел Алексеевич вместе с несколькими своими товарищами по работе явился точно в срок.

Однако генерала на месте не оказалось – он находился в другом месте, и дежурный офицер предложил подождать в приемной, где можно было удобно расположиться в креслах. Тем не менее Павел Алексеевич отказался пройти в приемную и мы в течение не менее часа ожидали в коридоре, «подпирая стены». Когда генерал наконец прибыл в управление и увидел Павла Алексеевича, понуро стоящего у стены в коридоре с явно усталым видом, то он был очень смущен, извинялся за опоздание, пригласил всех к себе в кабинет и без долгих разговоров подписал все решения, привезенные Павлом Алексеевичем. Надо ли объяснять, что вся эта сцена была специально организована Павлом Алексеевичем, который быстро оценил сложившуюся обстановку и принял удобное для ОКБ решение.

При другом случае, говорящем о высокой находчивости и большом личном мужестве Павла Алексеевича, я не присутствовал, но мне о нем рассказывал один из наиболее авторитетных руководителей ОКБ – начальник тематического отделения и главный конструктор Е. С. Липин. Павел Алексеевич добивался увеличения штатного расписания ОКБ, а иными словами – возможности дополнительного набора сотрудников.

По принятой в те времена системе такое разрешение автоматически увеличивало и бюджетное финансирование предприятия. Однако подготовленный документ, несмотря на все усилия Ефимова, никто в министерстве не визировал – денег не было, и приходилось возвращаться «восвояси». Оставалась последняя инстанция – министр, которым был в те времена П. В. Дементьев – достаточно крутой и жесткий человек, идти к которому с не визированным документом и без предварительной договоренности было очень рискованно. И тогда Павел Алексеевич решился на отчаянный шаг. Проникнув без разрешения в кабинет П. В. Дементьева и не обращая внимание на присутствующих, Павел Алексеевич быстро подошел к столу, за которым находился в это время министр, и, рухнув на колени, заявил, что не уйдет, пока его документ не будет утвержден Петром Васильевичем. Все присутствующие были шокированы: ведь Павел Алексеевич был широко известен в авиационной промышленности и пользовался громадным уважением у окружающих.

Поэтому все присутствующие в кабинете министра понимали, что такое исключительное и нестандартное поведение Павла Алексеевича должно иметь под собой глубокие основания. Петр Васильевич, несмотря на всю свою закалку руководителя, был растерян, он вышел из-за стола, пытался успокоить Павла Алексеевича и поднять его с колен. Наконец последний дал себя успокоить и пересел в кресло, после чего Петр Васильевич торопливо подписал поданную бумагу и отпустил Павла Алексеевича, рекомендовав ему посетить министерскую поликлинику. Надо ли говорить, что никакого посещения поликлиники не было и Павел Алексеевич быстро покинул министерство (потом и г. Москву), крепко прижимая бесценный документ к груди.

Конечно, описанные выше случаи не составляли сути деятельности Павла Алексеевича как руководителя предприятия, в основном она происходила в стенах ОКБ. Тем не менее до самого конца своей работы на предприятии он был очень активным и подвижным человеком, в любой момент мог подняться и отправиться при необходимости в любую командировку. Как пример можно привести поездки на Уфимский приборостроительный завод (позже завод был преобразован в Объединение, сути это не меняет). Этим поездкам я был сам свидетель, так как на этом заводе внедрялись и выпускались разработанные в ОКБ бортовые ЦВМ, за которые я нес ответственность. Для решения возникающих в процессе освоения или серийного выпуска вопросов непосредственно на заводе собирались совещания представителей министерства, генерального заказчика, ОКБ и завода. Такая схема работы была наиболее эффективна. Групповой портрет участников одного из подобных совещаний приведен ниже. Павел Алексеевич находится в первом ряду в центре вместе с директором завода Н. Г. Ковалевым, директором РПКБ С. В. Зеленковым и начальником ГУ МАП Ю. А. Затейкиным.

Заметным явлением на общем фоне деятельности предприятия были командировки в Москву руководства ОКБ, руководителей основных подразделений и многих инженеров. В Москву (и Подмоскovie) ездили часто: там находилось Министерство авиационной промышленности СССР, многие отраслевые институты и ОКБ, генеральные конструктора самолетов и вертолетов, генеральный заказчик, испытательные базы.

Ряд лет при министерстве действовала популярная у наших сотрудников ведомственная гостиница – «Уланская». П. А. Ефимов также всегда останавливался в ней. Обычно он занимал двухместный номер-люкс, и его партнером становился кто-либо из ближайших помощников. При этом, как правило, каждый вечер в этом номере собиралось большинство наших командированных: все докладывали о произошедшем за день, обсуждались различные вопросы, намечались планы на дальнейшее время. Это позволяло П. А. Ефимову постоянно быть в курсе самых последних событий и активно влиять на их течение.

Считаю правильным отметить еще одну своеобразную черту Павла Алексеевича – его педантизм в материальных отношениях с окружающими, который справедливо считал, что даже незначительные неразрешенные материальные расчеты могут повлиять на отношения. Поэтому он как мог скоро отдавал все появившиеся у него долги, но того же ожидал и от окружающих в отношении себя.